

АРИНА КУЗНЕЦОВА

Филолог, переводчик, фотохудожник

РЕНЕ ШАР И АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. ВОКРУГ ОДНОГО ПОСВЯЩЕНИЯ **(О ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСИ НА ПЕРВОМ ИЗДАНИИ** **СТИХОТВОРЕНИЯ РЕНЕ ШАРА «СВАДЕБНЫЙ ЛИК»)**

Когда Рене Шар и Алексей Ремизов впервые встретились и стояли рядом в редакции парижского журнала «Гиппократ» 23 мая 1939 года, они наверняка являли собой любопытное зрелище: «красивый тридцатидвухлетний» элегантный Шар под два метра ростом и уже немолодой (6 июля ему исполнится 62 года), маленький и сутулый Алексей Михайлович, бедный эмигрант из несуществующей страны — возможно, одетый в свой лучший костюм¹, но наверняка с каким-нибудь вывертом вроде тибетской шапочки или иным элементом его игрового «без-образия»... Разительный внешний контраст подчеркивал и глубокие внутренние различия — трудно себе представить, чтобы эти двое могли когда-нибудь стать действительно близкими друзьями или настоящими «товарищами по цеху»... Дело и в языке (Ремизов хорошо знал французский, но этот язык так и не смог стать для него языком самовыражения), и в творческих установках, и в разности темпераментов, и в писательском эгоцентризме, присущем каждому по-своему. Стоит удивляться скорее тому, что сближение, пусть и недолгое, между ними всё-таки произошло — данная переписка (и не только она) говорит о взаимном творческом интересе и симпатии, которую оба художника испытывали друг к другу. У Ремизова было больше возможностей оценить поэзию Шара. Последний был ограничен переводными текстами², которых было явно недостаточно для того, чтобы понять языковой гений русского писателя. Ремизов осознавал это как никто: «Я пишу по-русски. Но разве стиль можно передать на другую речь? Перевести, значит, обеспечить

(оглушить). И вся моя словесная игра, все мои опыты «природного русского лада» закрыты, и в переводе из разглаженных завитков и завитушек лишь выблискивает ведовская прядь»³. Но несмотря на это, Шар без сомнения смог почувствовать в нем союзника⁴. Очевидно мы имеем дело как раз тем случаем, когда надо говорить о неких «общих основаниях». Здесь нет и не может быть речи о взаимном влиянии, хотя пути влияний бывают неисповедимы. (Порой может «повлиять» вовремя сказанное слово или взгляд или бросившаяся в глаза завитушка подписи или рисунок...)»⁵ В данном случае, как представляется, всё было гораздо интереснее: пересеклись два поэта, которые, при всех очевидных различиях, внутренне оказались почти братьями, «рождёнными от непорочной земли, воздуха, огня и воды»⁶, ибо источником их творчества был алхимический синтез природных и языковых стихий (свою причастность к ним, особенно к стихии огненной, оба поэта хорошо сознавали). Но прежде чем подробнее остановиться на этом «стихийном родстве», нужно взглянуть на конкретные факты, а именно свидетельства самих писателей, и прежде всего — Алексея Ремизова.

Помимо настоящей переписки, мы располагаем автографом Ремизова — это надпись на титульном листе издания стихотворения Рене Шара «Свадебный лик» («Le Visage Nuptial»). Надпись представляет собою дарственное посвящение другу Ремизова Мамченко⁷:

Виктору Андреевичу Мамченко
В Рождественской сочельник
После всенощней, кутыи
и Кухонного Курева —
René Char 14 juin 1907
(à l'Isle-sur-Sorgue/ Vaucluse/)

Нет у меня моих книг (вот уже 10 лет
всё написанное лежит без движения)

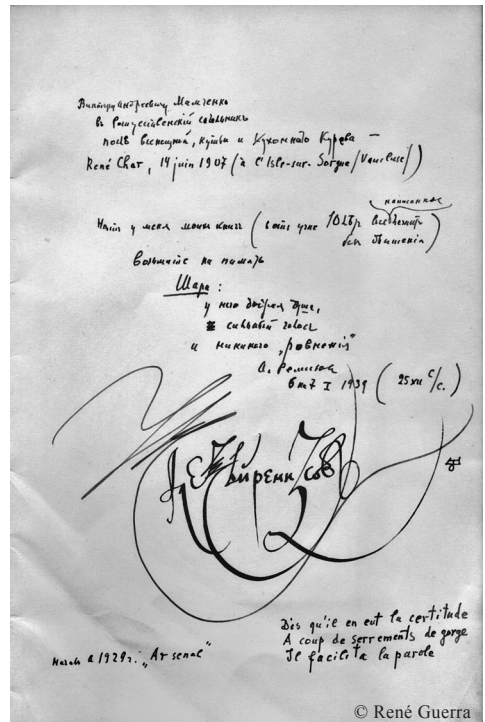
Возьмите на память
Шара:

у него добрая душа,
сильный голос
и никакого «ровнения»

А. Ремизов 6 на 7 I 1939 (25xii с/с.)

Начал в 1929 г. «Arsenal»

Dès qu'il en eut la certitude
A coup de serrements de gorge
Il facilite la parole

Рядом со знаменитой причудливой подписью Ремизова (напоминающей по общему абрису птичку — очевидно, ту самую скандальную «птицу-ремез», которую Господь велел ощипать по просьбе Николы Угодника⁸) на посвящении присутствует и его личный «тайный значок», глаголическая монограмма , смысл которой объясняет исследовательница Елена Обатнина, связывая это с «экзистенциальной самоидентификацией» и цитируя собственные объяснения Ремизова из письма к В. Ф. Маркову (1955): значок является зашифрованной подписью и представляет собою латинское «р» и славянское «ч», означающие фамилию «Ремизов» (с учётом этимологического значения — «колядная птица ремез»), а русская «ч» отсылает к имени «Алексей» — Человек Божий⁹.

Надпись на книге, ставшей рождественским подарком для Виктора Мамченко, разнообразно информативна — например, она отчасти даёт представление о том, как проходило празднование последнего предвоенного Рождественского сочельника в квартире у Ремизовых на улице Буало¹⁰. Гости у Алексея Михайловича и Серафимы Павловны бывали постоянно, большие церковные праздники отмечались особо торжественно, а самый сказочный, Рождество (вместе со святками и Крещением), был любимейшим, с неизменной и всегда изобретательно украшенной ёлкой. После праздничной всенощной за столом в «кукушкиной комнате» собиралось много народу, продолжая традиции, установленные ещё в Петербурге. Вот как Ремизов зазывал на праздник Александра Бенуа в 1919 году: «5 генваря по обычаю прошлых лет празднуем Голодную Кутью и гадаем, вручая судьбу свою Козлу, который зримо присутствует и руководит гостями. И вот просим Анну Карловну и Вас навестить нас в этот вечер (Крещенский сочельник), когда в полночь чудо из чудес бывает — звёзды заговаривают по-человечьи»¹¹.

Далее в дарственной надписи следует «педагогическая» часть: Ремизов сообщает сведения о Рене Шаре (год и место рождения, что в данном контексте должно было помочь будущему читателю увидеть, что они принадлежат к одному поколению, а указание на место рождения Шара — город Л'Иль-сюр-Сорг в департаменте Воклюз — подчёркивало его значимую связь с Провансом). Очевидно, Ремизов дорожил дружбой с Мамченко, ценил его личные качества и хотел способствовать развитию поэтического дарования молодого человека через приобщение его к новейшей французской поэзии. В своём посвящении Ремизов характеризует Шара сначала как человека, затем как поэта, и, наконец, с точки зрения его творческого и политического выбора: «у него добрая душа, сильный голос и никакого «ровнения».

Действительно, если судить по переписке, отношения Шара и Ремизова были исключительно «добрыми» — со стороны Шара мы видим проявление

доброй воли в желании помочь нуждающемуся собрату по перу. Возможно, их отношения получили бы дальнейшее развитие, если бы не были прерваны войной. Ремизов неоднократно упоминает о Рене Шаре в своих текстах. Например, когда он посвящает пронзительные страницы (вслед за описанием бомбардировки улицы Буало) — «плач по месту пугу» — Франции, Парижу, который скоро будет сдан врагу: «Я чувствовал и только ещё не мог назвать имена — «дорогие могилы», было всё вместе, знакомое с детства, и как своё, там, с Белого моря до Чёрного, с Волги до белых гор Кавказа и там — по дремучей Сибири. Гул заглушал мой слух. Как я тужил, что нет никого сейчас, кого бы спросить, и беззвучно под гул я звал: Paulhan, Parain, Arland, Chuzeville; Pascal — André Gide, Supervielle — Breton, Eluard, René Char, Lely¹² — вам тут, не мне каждый камушек чуток!»¹³ Глубоко тоскуя о наступающей «страде», Ремизов, подчёркивая причастность к этой боли, вспоминает российскую географию и французские имена собственные, словно говоря, что принимает судьбу близких ему французов как свою, но не смеет именовать «их камушки». Однако как раз эти имена и есть голос Франции. О внутренне глубокою отношении свидетельствует и сон Ремизова о Рене Шаре, рассказанный писателем в его последней книге «Мартын Задека» (1954):

ВНИЗУ

Меня перевели вниз. Широкое окно в сад.

Бедно одетая, белесая, два свёртка в руках, не могу сказать, из саду она или сверху. Она развернула свёрток — полились голубые ленты.

«Не вам», сказала она.

И развернула другой свёрток поменьше, а там игрушечный шар и в шару цветочный горшок, обёрнут кирпичным газом: белая азалия.

«Из Египта, спрашиваю, от кого?»

И кто-то говорит:

«Пришёл Рене Шар».

И я выхожу из комнаты.

Народу полон коридор. Ждут. И которая принесла цветы, тут же, чего-то ждёт.

«Надо было ей дать на чай», подумал я. И ищущую мелочь, вывернул все карманы — одни окурки. И мне очень неловко. И отхожу к окну.

Рене Шар дымит папирасой.

«Вы долго ждали, говорю сквозь облако, и не заметили объявление: нельзя курить внизу».

«Почему нельзя внизу?» спрашивает Шар.

Не зная что ответить, я показываю ему на цветы:

«Египетская азалия, ваша!»

А та, что принесла цветы, ждёт в дверях.
«Скажите, говорю ей, от кого же цветы?»
«Я сейчас, я справлюсь».

Я заметил, она босиком, и за ней. И мы очутились на каменном дворике.
«Не могу: Полян¹⁴ не пропустил!» она рванулась и из свертка, который «не мне», хлынули голубые ленты и вся в лентах, голубой лентой выскользнула в калитку.

И я вспомнил:
«Внизу нельзя».

А из камня отозвалось:
«Зу-зя».¹⁵

В своей книге о «творческих практиках» Ремизова Елена Обатнина блестяще интерпретирует сон Ремизова об Андре Бретоне как «глубоко продуманный текст», основанный на реальности, который характеризует отношения автора с Бретоном и с сюрреализмом в целом¹⁶.

Сон Ремизова о Шаре другой, более интимный, загадочный и «поэтический». Он относится к типу «встречи во сне» согласно собственному определению Ремизова: «Жаркими путями передаётся мысль, — пишет Ремизов, — Общение во сне. Во сне открывается завтрашний день. В снах много игры в слова. Можно ли установить символику снов? Можно, но она непостоянна. Изменчивость символа. Или «поэзия» и есть самая сердцевина нашей загадочной жизни — душа бесконечного мира»¹⁷. Сон о Шаре — как раз свидетельство такой поэтической мысли о другом художнике, сон со скользящей изменчивой символикой и о встрече с одной из сторон «души мира», навеянной личностью поэта.

Этот сон трудно датировать с точностью, потому что на данный момент мы располагаем только литературным вариантом сновидения, но, скорее всего, сон мог присниться Ремизову между 1941 и 1943 гг., когда Рене Шар покинул Париж и стал активным участником Сопротивления на юге Франции¹⁸. Об этом заставляют думать две вещи: само действие сна, происходящее где-то «внизу», в подобии каменного подвала, важность местонахождения подчёркнута и в названии сна, оно может означать, с одной стороны, укрытие во время бомбёжки, а с другой то, что Ремизов был осведомлён о подпольной деятельности Рене Шара. Это вполне вероятно, потому что Ремизов поддерживал дружеские и деловые отношения с поэтом и переводчиком Жильбером Лели¹⁹, бывшем, в свою очередь, близким другом Шара в самые мрачные годы оккупации. Он мог сообщить Ремизову о борьбе Шара в Провансе. О военном периоде свидетельствует и настойчивая «папиросная тема» сна — Ремизов, заядлый курильщик, тяжело переживал дефицит табака. Также об этом может говорить и «тема посылки» и её ожидания. Не исключено, что при их скорее всего единственной личной встрече в «Гиппократе» они тоже курили за разговором, и Шар запомнился

Ремизову с папиросой. Однако сон выходит за рамки ощущений «нехватки» или «остатков реальных впечатлений». Шар, «дымящий папиросой», становится в том числе и «фигурой сопротивления»: он курит вопреки объявлению о том, что «курить внизу нельзя». Акт курения сам по себе напрямую связан для Ремизова с творческим процессом: «Верую в пепел. Когда курю, сыплю на пол, не в пепельницу, и на рукопись, и куда попало. Исповедую огонь. Только в «огневице» и мысль родится и воображение. Да и весь мир цветёт. И из пепла восстанет жизнь, верю»²⁰. Это огненное начало является точкой максимального внутреннего сближения таких разных художников, как Ремизов и Шар. Оба они, как известно, придавали особое значение философии Гераклита (а также Ницше), оба «исповедовали огонь»²¹. В центре сна мы также видим «цветение мира» — откуда-то прислан для Шара цветок «белой египетской азалии», замкнутой в игрушечный шар. Здесь очевидная словесная игра, столь характерная для Ремизова как во сне, так и наяву — он виртуозно переиначивал и «переводил» французские слова и даже составил свой французско-русский «словарь эмигранта», полный юмора (иногда горького)²². Впрочем, Шар тоже играл словами, в том числе, как и все настоящие поэты, с собственным именем²³. Ремизову Шар снится в русской фонетике, превращаясь во сне именно в «шар» — прозрачную сферу, внутри которой находится белый цветок. Образ сам по себе значимый, в нём соединяется несколько идей, связанных с тем, как Ремизов воспринимал личность Рене Шара и его поэзию. Во-первых, само явление шара, сферы, помимо словесной игры, отсылает к досократикам и идее совершенного мира, а также завершённого эона. Космогоническая идея круга, сферы (внутри которой вращаются колёса) чрезвычайно распространена в античной философии (Парменид, Эмпедокл, Анаксимандр — у последнего, например, Вселенная — это «солнечное кольцо... подобно колесничному колесу»²⁴). Шарик во сне Ремизова, с другой стороны, может быть символическим воспроизведением поэтического мира Шара — замкнутого, даже герметичного (на сложность, «загадочность» его поэзии намекает и место, откуда, возможно, прибыла посылка — Египет, может быть, Египет времён Александра) и одновременно прозрачного (в отличие от мира сюрреалистов, намеренно невнятного), в центре которого находится цветок азалии, «обмотанный кирпичным газом». В этом образе-оксюморе «кирпичный газ» дано пронизательное видение Ремизовым поэтики Рене Шара: часто используемый им приём единства противоположностей, созидающего космос (по Гераклиту), соединение противоположных стихий — земли (кирпича) и воздуха (газа), силы и нежности, — «силы, которая имела образ ириса», как выразился исследователь Шара Жан-Клод Матье²⁵. Название цветка, «азалия», вероятно, возникает из игры созвучия — «азалия — нельзя», тоже как противостояние этому «нельзя». Но если обратиться к этимологии этого слова, то выясняется, что в переводе с греческого *ἄζαλλος* означает «сухой, иссохший», то есть растение, приспособленное к сухой

почве. Это наводит на мысль о том, что «этимологически» цветок мог воплощать ещё один «образ души» Рене Шара, а именно её «сухость»: согласно Гераклиту, «сухая душа — мудрейшая и наилучшая»²⁶. Настойчивый, два раза повторённый сновидцем вопрос: «От кого цветы?», очевидно, не имеет ответа — или же ответом на него отчасти является сама ускользающая посредница, «бедно одетая, белесая, ... босая», о которой неизвестно, откуда она — «сверху или из сада». Тут вспоминается притча Диотимы из «Пира» о рождении и свойствах Эроса, когда Пеня (Нищета) явилась за подаянием в «сад Зевса» и зачала Эрота. Нищета, нужда, помимо своего будничного значения повседневной спутницы поэтов и лично Ремизова, может иметь и глубинный смысл — согласно А. Ф. Лосеву, Пеня — эманация мировой души, материя логоса²⁷ или, в более широком смысле — Муза; то, что она приносит, но не отдаёт пакет с «голубыми лентами» (ленты появляются дважды, в конце и в начале, как обрамление, создающее образ текучей словесной свободы — любопытно, что этот пакет во сне Ремизова Шару тоже не достаётся) — «Полян не пропустил!» — указывает на её принадлежность к литературному миру.

Но вернёмся к надписи Ремизова на экземпляре «Свадебного лика», а именно к характеристике Шара: «добрая душа, сильный голос и никакого «ровнения». Хотя по натуре своей Шар был человеком довольно нетерпимым, резким и вспыльчивым (особенно в поздние годы)²⁸, в его характере действительно преобладали щедрость, благородство и чувство справедливости. «Сильный голос» для Ремизова означал наличие широты, эпического дара — самого себя писатель называет «слабоголосым»²⁹. Поэтический голос Рене Шара к этому времени окреп, процесс литературного становления завершился, поэт уже по-настоящему стал самим собой, освободившись от многих пут — и прежде всего, от участия в движении сюрреалистов (к 1938 году его отход от сюрреализма стал окончательным, но уже в 1934 году Шар обозначил свою главную претензию к движению, написав Антонену Арто: «Сюрреализм гибнет из-за глупого сектанства своих адептов»³⁰). Очевидно, этот момент внутреннего самоопределения и почувствовал в нём Ремизов, когда он написал: «никакого ровнения». Слово «ровнение» (именно в таком написании) Ремизов употреблял в смысле «равнения на строй», оно означало для него также и отсутствие экзистенциальной свободы, что в обстановке «европейской ночи» 1939 года обретало в том числе и политический смысл. Далее Ремизов указывает дату дарения по старому и новому стилю, а затем добавляет сведения о поэте Шаре: «Начал в 1929 году Arsenal». Ремизов упоминает сборник стихов Рене Шара «Арсенал», который был действительно напечатан в 1929 году, но он не был его первой книгой. За год до этого Шар выпустил за свой счёт в Марселе сборник стихов под названием *Cloches sur le cœur* («Колокола на сердце»), но вскоре, как это часто бывает в отношении первых юношеских публикаций, постарался вычеркнуть её из списка своих книг и сжёг

большую часть тиража (153 экземпляра). Так что по сути Ремизов был прав — первым настоящим появлением на литературной сцене для Рене Шара стала книга «Арсенал»³¹.

Далее Ремизов приводит цитату из этого сборника, а именно первую строфу из стихотворения «Possible»³² («Возможное»):

Dès qu'il en eut la certitude	Как только сможешь поверить
A coup de serrement de gorge	Ценой горлового срыва
Il facilita la parole	Так слово само польется

Ремизов выбирает это афористичное трехстишие очевидно тоже с «педагогической» целью — оно говорит о высоте понимания роли поэта, о той цене, которую нужно ему заплатить, чтобы слово получило возможность быть высказанным. Здесь ключевые слова «certitude» (уверенность, вера) и «serrement de gorge» (сжатие, перехват горла)³³.

Этой цитатой Ремизов с изяществом завершает своё посвящение, подводя будущего читателя собственно к произведению Шара, к стихотворению «Свадебный лик». Это произведение можно назвать «маленькая поэма» — как по эпическому дыханию, так и по относительному объёму — это самое длинное стихотворное произведение, написанное Шаром, предпочитавшим краткую поэтическую форму или афоризм (в этом они тоже сближаются с Ремизовым. Последний часто сетовал на свою неспособность к эпическим формам, считал свои романы «неудачными»). Оно стало линией водораздела для поэта, оказавшись последним его произведением, опубликованным до начала войны, и первым, написанным в свойственной ему манере, которая впоследствии почти не менялась. С 1939 по 1944 год Рене Шар, активный участник Сопротивления, не напечатал ни одного сборника стихов, хотя его муза не молчала — он постоянно вел заметки даже во время партизанских действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наподобие описанных им выходных штанов его автобиографического героя Корнетова: «...и другие, берлинские парадные — восьмой год, а стрелка наутюжена, как новенькие, а надеваются в большие праздники и если случится концерт». Цит. по электронному изданию собрания сочинений Ремизова: А. М. Ремизов. Собрание сочинений в 10-ти томах. М., 2000–2002. С. 214. (Далее — Собр. соч.) Но мог он выглядеть и по-другому. «Ремизовская манера экстравагантно одеваться сложилась со времён „военного коммунизма“ в Петрограде и была продиктована отчасти болезненностью (постоянным ознобом) и бедностью, отчасти самоощущением гонимого и бесприютного человека». Ср. с воспоминаниями Ю. Анненкова: «Бедный Ремизов и впрямь стал походить на клошара, бродягу. Он обматывал себя тряпками, кутался в рваное трико, надевал на себя заплатанную, в цветочках кофточку Серафимы Павловны, в этой кофточке, в 1920 году, я нарисовал его портрет...» (Анненков. С. 219). Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. С. 590.

² См. ссылку (1) на французскую библиографию Ремизова, указанную в примечаниях С. Фокина к публикуемой переписке, откуда следует, что к моменту знакомства Шар был безусловно знаком со следующими произведениями Ремизова: «Серебряный кубок», «Авраам», «Соломония», «Траектория снов» и др., например, ему могло быть известно такое издание: *Alexei Remizov. OÙ finit l'escalier: Récits de la quatrième dimension, contes et légendes. Traduction par Gilbert Lély, Jean Chuzeville, Denis Roche et Boris de Schloezer. — L'Office des diables, pièce en 3 actes, traduite par Georges et Ludmilla Pitoëff et Jeanne Bucher, édition du Pavois, 1947. Альбом автоиллюстраций с сопроводительным текстом на фр. яз. под загл. «Solomonie la possédée», черн. тушь, цв. кар., <1930-е> — Собр. Резниковых.*

³ Собр. соч. Т. 10. Мышкина дудочка. С. 144.

⁴ В поэтике Рене Шара существует важнейшее понятие — «*alliés substantiels*» — «насущенные союзники». Это могут быть близкие друзья, а могут быть фигуры, отделённые временем и пространством, но насуточно необходимые. Среди них были философы — Гераклит, Эмпедокл, Ницше, Хайдеггер; поэты — Рембо (постоянно) и другие в разные периоды, например, Элюар, Арагон, Лорка; художники — Жорж де ла Тур, Ван Гог, Пикассо и др. См. об этом в кн: *René Char et ses alliés substantiels: artistes du XXe siècle. Maison de Char. 2003.*

⁵ Несомненно, Шар высоко оценил графику и каллиграфию Ремизова, поскольку приобрел его рисунки (См. письмо к Ремизову от 2 ноября 1939 г.). Отношения Рене Шара с художниками, творческий диалог с ними, иллюстрации к его книгам и отдельным стихотворениям, наконец, собственные каллиграфические издания поэта заслуживают отдельной статьи (и здесь было бы очень интересно сравнить его подход с ремизовским). Однако необходимо отметить, что Шар на протяжении всей своей жизни активно сотрудничал с самыми выдающимися художниками XX века — Кандинским, Пикассо, Джакометти, Браком, Миро, Леже, Арпом и многими другими. Он также проявлял постоянный интерес к средневековой миниатюре и, творчески переосмысляя ее, использовал эту традицию для оформления своих книг. См. об этом: *Hubner-Bayle C. René Char: Le dialogue avec les peintres. Magazine Littéraire. N°340. P. 34–39.*

⁶ Собр. Соч. Т. 6. Лимонарь. Соломон и Китоврас. С. 594.

⁷ Мамченко В. А. (1901, Николаев — 11 декабря 1982, Шель, под Парижем) — русский поэт первой волны эмиграции, участник ряда литературных объединений. Первый поэтический сборник — «Тяжёлые птицы» (1936). После Второй мировой войны опубликовал ещё несколько книг стихов; итоговой является «Сон в холодном доме», Париж, 1975. Ремизов рассказывает о Мамченко в книге «В розовом блеске», вспоминая о дне первой бомбёжки Парижа. Мамченко наблюдал это событие с холмов Медона. Но сначала Ремизов описывает одну из сторон жизни Виктора Мамченко, которая даёт представление о нём как о человеке: «3 июня 1940 г. — в памятный день для Парижа и роковой для Франции, Мамченко вышел в полдень из своей Медонской землянки в садик, нарядный, как там, в Запорогах, в Никополе, в свой цветник с прилюдными ранеными зверями, зверьками и пичужками. Много у него зверья перебивало, накормники, самый главный среди всех птиц, был заяц: усатый, и только что молочком, а всё понимал и как слушает внимательно, суча волосатыми ушами, когда Мамченко сам с собой стихи читает, — и ласковый, что-то лопотал, мордочка ёжиком. «Не всякое поймет, все-таки звери». И всякий раз я повторяю за Мамченко: «звери!» — «звери родятся на безмятежную радость», а вот зайца и обидели, а шёл Мамченко в лесу, шишки собирал и видит, лежит под кустиком усатый вверх-брюшкой, плачет. Вспомнил ли Мамченко Зосимино слово: «не мучьте, не отнимайте у них радость, они безгрешны» или просто жалко, и подобрал его. И с тех пор живёт у него заяц, в его землянке как самый верный человек». *Ремизов А. В розовом блеске. М., 1990. С. 654, 655.*

⁸ *Аверин Б. В., Данилова И. Ф.* Автобиографическая проза А. М. Ремизова. Предисловие к кн. «Взвихренная Русь». М. 1990. <http://lib.co.ua/memoir/remizovalexey/vzvihrennajarus.p01.jsp>

«Я писал завитушато — и перо хорошее и сидеть удобно и свет такой, не темнит и не режет! — и в конце подпись свою вывел:

с голубем, со змеей, с бесконечностью —

с крылатым „з“, со змеиным „кси“

с „ѣ“ — в Алексее

с „ижицей“ — в Ремизове

и с заключительным „твёрдым знаком“». Собр. соч. Т. 5. Взвихренная Русь. С. 218.

⁹ См. об этом подробнее в электронном издании книги Е. Обатнина. Алексей Ремизов: личность и творческие практики писателя. М.: НЛО, 2008. С. 33 <http://www.litmir.net/br/?b=192443&r=33>

¹⁰ Последняя квартира Ремизова в Париже на улице Буало, 7, где он жил с октября 1933 г. по ноябрь 1957 г.

¹¹ Собр. соч. Т. 2. С. 584.

¹² Жан Полан (1884–1968) — писатель, критик и издатель, возглавлявший авторитетный журнал «Новое французское обозрение» (NRF) с 1925 по 1940 гг. и с 1953 по 1968 гг.; Брис Парэн (1897–1971) — философ, эссеист, лингвист и полиглот, сотрудник иностранного отдела издательства «Галлимар», отвечавший за русскую и немецкую литературы; Марсель Арлан (1899–1986) — писатель, автор многочисленных романов, критик, журналист, в молодости был близок к дадаистам, сотрудничал с NRF. Хорошо знал и ценил русскую литературу, был одним из самых преданных почитателей творчества Ремизова. Жан Шюзевиль (1886–19...?) — поэт, много переводил русскую литературу и в частности Ремизова, общался с русскими писателями (М. Цветаева, Н. Гумилев, И. Эренбург и др.) Оставил воспоминания о Ремизове (1953). См. о нём: *Ремизов А.* Павлинным пером. СПб., 1994. С. 226, 236. Пьер Паскаль (1890–1983) — эссеист, переводчик, историк, разведчик, преподаватель Сорбонны. Практикующий католик и сторонник сближения православной и католической церковей, он увлёкся большевистскими идеями и долго жил в России, оставил воспоминания об этом периоде: *Pascal P. Mon journal de Russie*, 4 volumes, Edition l'Age d'Homme. P. 1975–1977. Занимался русской историей, в частности, жизнью протопопа Аввакума (этот его текст был переведён, вернее, пересказан Ремизовым). Часто бывал у Ремизовых, имел обезьяний титул «Игемон-Деспот, протопоп обезьяний». Андре Жид (1869–1951) — писатель, одна из ярчайших фигур французского модернизма. Жюль Сюпревьель (1880–1960) — поэт, автор многочисленных поэтических книг и романов, один из самых заметных французских поэтов этого периода; Андре Бретон (1896–1966) — поэт, писатель, основоположник сюрреализма. Поль Элюар (1895–1952) — поэт, сюрреалист и коммунист, участник Сопротивления; Рене Шар (1907–1988) — поэт, см. наст. публикацию; Жильбер Лели (1904–1985) — поэт. См. прим. 10. С. Фокина к «Переписке Р. Шара и А. М. Ремизова».

¹³ В розовом блеске. М. 1990. С. 658.

¹⁴ Имеется в виду Жан Полан. См. прим. 12.

¹⁵ Собр. соч. Т. 7. С. 390.

¹⁶ *Обатнина Е.* Алексей Ремизов. Личность и творческие практики писателя. М., 2008. Гл. 5. <http://www.litmir.net/br/?b=192443>

¹⁷ Собр. соч. Т. 7. С. 300.

¹⁸ В 1941 году Шар писал своему другу Франсису Кюрелю: «Конечно, нужно писать стихи, очерчивая молчаливыми чернилами нашу ярость и бурно оплакивать наше смертное естество — но это ничтожно мало». Недавние политические события, война, нацизм, коллаборационизм, требовали молчания от писателя и активной

тайной деятельностью от человека. Демобилизованный в 1940 году после участия в боевых действиях в Эльзасе, Шар вступил в ряды участников Сопротивления под псевдонимом «капитан Александр»; восставая против «неслыханного самообнажения современных интеллектуалов», он решил ничего не публиковать во всё время оккупации. Но это не мешало ему писать и обдумывать будущую книгу, которую он намеревался создать под знаком «страстного союза» ярости тайны: «может быть, это звучит слишком торжественно, но сближение этих двух понятий происходит в мире обитателей чердаков, не миллионеров», объяснял он Жильберу Лели 15 октября 1941 года. Начиная с 1940 года его существование становится аскетическим. Он поселился сначала в Л'Иль-сюр-Сорг, а затем в Приморских Альпах, в Сересте. На стене в его комнатке висела репродукция «Пленника» Жоржа де ла Тура и фотография шестнадцатилетнего Артюра Рембо; на столе, в синей коробке, круглой и плоской, он держал то табак, то патроны. Написанные в этот период стихи близки к афоризмам Гераклита. В своей записной книжке, с которой он никогда не расставался, поэт сохраняет свои мысли в форме заметок; например, он торопливо фиксирует смерть одного из друзей по Сопротивлению, Роже Бернара. Эти записи, как ни парадоксально, исполнены спокойного созерцания. «В них нет ни самолюбования, ни журналистики, ни морализма, ни романтизма. Костёр из сухой травы мог бы быть для них лучшим изданием». В июле 1944 года, перед тем, как отправиться в Алжир, Шар заботливо спрятал эти записки. В этот период он начал общаться с издателями журнала Fontaine, в августовском номере которого была опубликована серия стихотворений, также он печатается в Cahiers d'Arté в L'Éternelle Revue, подпольно издаваемом Элюаром. В сентябре он вернулся к своим заметкам, большую часть уничтожил, предварительно скопировав часть, озаглавленную «Дневник» и некоторые другие записи. Все вместе получает название «Листки Гипноса». Amaury Nauroy. [http://www.gallimard.fr/Footer/Ressources/Entretiens-et-documents/Histoire-d-un-livre-Fureur-et-Mystère-de-René-Char/\(source\)/1162](http://www.gallimard.fr/Footer/Ressources/Entretiens-et-documents/Histoire-d-un-livre-Fureur-et-Mystère-de-René-Char/(source)/1162)

¹⁹ См. прим. 10 С. Фокина к «Переписке Р. Шара и А. М. Ремизова».

²⁰ В розовом блеске. С. 664.

²¹ Рене Шар определяет реальность по-гераклитовски — «неугасимая и нетварная». Он начал внимательно читать Гераклита в 1930 году (сначала в интерпретации Гегеля) и читал его всю жизнь. Вот что он пишет в предисловии к изданию новых переводов досократиков, опубликованных в 1919 году: «Из всех философов один Гераклит отказался расчлнить непостижимое понятие бытия, свёл его к жесту, к мудрости и привычкам человека, не загасив его огонь, не нарушив сложности, не затронув тайны, не искажая его вечной юности. Он знал, что истина благородна, что образ, в котором она воплощается, есть трагедия. Он не довольствовался определением свободы, он видел, что она неискоренима, что она вечно распяляет зависть тиранов, бывает обескровлена, но затем воскресает в самом сердце вечности. Его солнечный орлиный взор, его видение настоящего убедили раз и навсегда, что единственный возможный взгляд на будущее — это пессимизм, который освежает нас, предостерегает и подстегивает... О «гераклитовском начале» творчества Шара написано немало работ, например: Sequin M. René Char, poète héraclitien.

http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/bude_0004-5527_1969_num_1_3_3068#

Что касается Ремизова, то для него, как замечает А. Грачёва, «теория Гераклита во многом является философской базой осмысления таких исторических событий, как Первая и Вторая мировые войны, русская революция 1917г. Она нашла отражение во многих произведениях писателя, начиная с кн. «О судьбе огненной» (1918), «Электрон. От слов Гераклита Эфесского» (1919) и кончая книгой «Огонь вещей» (1954). См. также: *Безродный М.* Об источниках книги Ремизова «Электрон» // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С.154–156.

<http://www.ruthenia.ru/document/529213.html>

Было бы интересно провести более глубокое сравнительное исследование «гераклитовского кода» в творчестве Ремизова и Шара.

²² «Нынче летом я получил „конже“ от хозяина. „Конже“ по-русски: „убирайся ко всем чертям“. Собр. Соч. Т. 10. Мышкина дудочка. С. 142. *Songé* (fr.) — уведомление об окончании аренды. Комизм произнесенных (написанных) по-русски французских слов часто строится на их фонетических особенностях, утрированных в русском произношении, и на новых оттенках смысла, возникающих за счёт морфологических и лексических сдвигов. См. об этом: Дубровина С. «Французская традиция в творчестве А. М. Ремизова», *ouvrage collectif Modèle de Gouvernement*, [en ligne], Lyon, ENS LSH, mis en ligne le 15 juillet 2011. URL:<http://institut-est-ouest.ens-lsh.fr/spip.php?article301>

²³ Любопытна история фамилии Рене Шара. Его прадед с отцовской стороны, Мань Альбер Шарль (р. 1826 в Авиньоне) был подкидышем, нашедшие его (возможно, в шутку) назвали ребенка Мань Шарль (Шарлемань, то есть Карл Великий). Отец поэта, Мань Эмиль Шарль, поселившийся в провансальском городке Л'Иль-сюр-Сорг и преуспевший там в разработке гипсового карьера, решил подсократить своё чересчур пышное на его взгляд имя и стал писаться как «Эмиль Шар». На французском слово «*char*» многозначно: это и «телега, повозка», и «колесница», и «танк», и «болтовня, выдумки» (на арго). Рене (*ge-natus* — лат. «заново рожденный») Шар, поэт «встающих на заре» и поклонник античной философии, по предположению Жана-Клода Матье, ощущал своё имя как намёк на воплощение солнечного, мужского и победительного начала: «заново рожденный на колеснице», что может иметь отношение к Фаэтону, Аполлону и богоподобному Александру (отсюда, возможно, его военный псевдоним «капитан Александр»). *Mathieu J.-C. La poésie de René Char ou le sel de la splendeur*. Tome I, II Paris, 1988. P. 23.

²⁴ Маковельский, А.: 1914–1919, Досократики: Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований, Историко-критический обзор и перевод фрагментов, доксографического и биографического материала А.Маковельского, Казань, ч. I. С. 43.

²⁵ *Mathieu J.-C.* «Une force qui avait l'air d'un iris». CFM. 1992. P. 51–59.

²⁶ Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. С. 231.

²⁷ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980. С. 505.

²⁸ По воспоминаниям друга Рене Шара, философа и специалиста по античности Поля Вена, Шара особенно раздражали попытки выяснить, что значит то или иное стихотворение или строка. Шар, любивший прогуливаться по окрестности Л'Иль-сюр-Сорг с тяжёлой палкой и всегда имевший её под рукой в последние годы, вполне мог отдубасить пытливого литературоведа. <http://www.youtube.com/watch?v=eSOYUMkNpiE>. *Veayne P. René Char en ses poèmes*. Paris, 1990.

²⁹ *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 91.

³⁰ *Biro A. & Passeron R.* (sous la direction de). *Dictionnaire général du surréalisme et de ses environs*. Genève & PUF. Paris, 1982. P. 14.

³¹ René Char, Arsenal, recueil hors commerce, à paraître avec un frontispice de Domingo, Méridiens, second cahier (août 1929).

³² «Possible», Arsenal, p. 13.

³³ По смыслу эти строки могут быть сопоставлены с цветаевским:

Клянусь дарами Божьими:
Моей душой живой! —
Что всех высот дороже мне
Твой срыв голосовой.

«Нет, правды не оспаривай...» (1923).